

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ГОГОЛЁНОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В И Т А Л И Й   Б И А Н К И

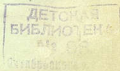

№ 059460

Тоголёнок

Рисунки
Т. Жикольской

Издательство
„Детская литература“
Москва 1968

Глава I

Ка Как, вы не помните, как родились на свет? Вот удивительно! Я так отлично помню!

Я открыл глаза и вижу: темно... И чувствую: сыровато.

Хотел вскочить — не пускает что-то сверху.

„Вот те раз! — думаю. — Стоило родиться в такой крошечный мир, где еле помещаешься, свернувшись калачиком“.

Я рассердился — и тюк в стенку носом, тюк!

Стенка-то и проломилась. Сразу целый кусок обломился, и в угловатую дыру хлынул свет. Не яркий, не ослепительный — приятный для глаз свет. Я даже пискнул от радости: сам себе рассвет устроил!

Вдруг что-то надвинулось на меня. Я струсил — и нырк обратно в свой маленький, тесный мирок. Съёжился там, сжался весь, затих, будто меня и нет на свете...

И вдруг ко мне в дыру просунулся нос. Ну просто

восхитительный нос: большой, гладкий, с блестящей чёрной нашлёпкой на кончике, вроде ноготка. В общем, такой же, как у меня, только куда больше.

— Мама! — запищал я изо всей силы.

Сам не пойму, как это я так сразу узнал её! И так рванулся к ней, что стенки моего хрупкого мирка рухнули, и я поднялся во весь свой рост со скорлупкой на голове, как в шапочке. Родился-то я, оказывается, в яйце. Мама моя, оказалось, утка, а я — утёнок.

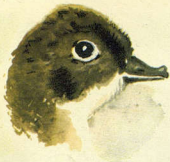
Дальше — Добро пожаловать! — каркнула мама: голос у неё хриплый. — Ты у меня первенец.

Под ногами у меня были мягкая труха и целая куча перьев и пуха, в которой лежали ещё двенадцать точно таких же серо-зелёного цвета яиц, как то, из которого только что вышел я.

Мама принялась переворачивать их носом и приговаривать:

Дальше — Вот ещё один... Погоди, погоди, сейчас я

помогу тебе!.. Вот ещё... Здравствуйте!+

Не прошло и часу, как выклюнулись на свет все мои братишки и сестрёнки. Когда мы, птенчики, сидим в яйце, у каждого из нас на носу твёрдый бугорок; яйцевой зуб называется. Очень удобно рушить им скорлупку. Но, как только мы вышли из яйца, мы его потеряли.

Маленький мир, в котором мы родились, стал теперь тесен для нас. Мы перешли в другой мир — тоже не очень просторный. Это был наш дом, наше гнездо внутри дерева. В нём было темновато, от гнезда вверх уходили круглые стены, как в трубе, и где-то вверху было окошко, через которое лился солнечный свет.

Вдруг через окошко донеслись до нас человеческие голоса.

Кирин — Эй, Гриша, гляди-ка — тут в осине дупло!

Вася — Верно, — подтвердил другой голос. — Жаль, высоко очень: метров двенадцать будет. Завтра прихватим с собой когти — посмотрим, кто там.

Мы, утята, хоть и не знали, что когти — это такие железки, при помощи которых люди влезают на столбы и стволы, но перетрусили отчаянно. Однако мама нас успокоила:

Данил Люди сказали „завтра“. Полезайте ко мне под крылья, обсыхайте там и смажьте свой пушок жирком. А завтра чуть свет мы с вами переселимся в третий, очень просторный мир, где людям нас не поймать и где мы будем жить на воде.

Николай — А что такое — вода? — спросил я.

Саша Много будешь знать, скоро состаришься, — сказала мама-утка. — Тебе сейчас расти скорей надо, развиваться, а не стариться.

Как Я удивился:

— А как же я стану развиваться, если не буду узнавать, ума набираться?

На это мама ничего мне не ответила.

Мы все залезли маме под крылышки — и как только она сумела всех нас сразу обнять! — и принялись старательно обсыхать и смазывать пушок жиром. Удивительно, как у нас всё ловко устроено! На спине, над хвостиком, у нас, оказывается, такой мягкий бугорок: нажмёшь на него носом — выступит капелька жира для смазки перьев. Мама сказала, что перья смазывать жиром уткам необходимо, а то они намокнут в этой таинственной воде, которую мы завтра увидим.

Переночевали мы у мамы под крылышками, а чуть свет — проснулись. Мама забралась вверх по дуплу. На миг в нашем мире стало темно-темно. И вдруг

в окошко опять хлынул свет. Но мамы уже не было с нами.

И вдруг откуда-то издалека-далека донёсся до нас её хриплый голос:

Далеко — Р-ребя!.. Ребятки!

Здесь Тут мы все запищали и бросились карабкаться на стенки, цеплялись за них коготками и упирались своими крошечными жёсткими хвостиками. Первым, конечно, взобрался на окошко я.

Ух, что я из него увидал!

Зелень, зелень, зелень! Кругом зелень, и стволы деревьев среди неё. Я даже зажмурился: так ярко блестели листья на солнце! Но сейчас же раскрыл глаза и глянул вниз. Там, далеко-далеко внизу, стояла наша мама-уточка и звала:

Далеко — Сюда! Сюда! —

Иск Но у нас не было ещё крыльев — только крошечные культяпочки. Мы же разобьёмся!

Но на окошко уже забрались ещё два моих братишки, и не успел я опомниться, как они толк меня вниз!..

Я пискнул от ужаса и кувырк-кувырк полетел в пропасть со страшной высоты...

Глава II

Братишки столкнули меня со страшной высоты.

Я стремглав полетел в пропасть, но, представьте себе, нисколько не разбился! Ударился о землю, подскочил, как мячик, перевернулся через голову — и стал на ножки. Оказывается, у нас, утят, такой густой пух и такие мы лёгкие, что можем падать с любой высоты, как мячики.

За мной благополучно попадали все мои братишки и сестрёнки.

Даша Ну, вот и молодцы! — сказала мама-утка. — Теперь за мной!.. Ни с кем не ссорьтесь, ведите себя хорошо, — продолжала мама и зашагала вперёд, переваливаясь с боку на бок.

Настя Мы все потянулись гуськом за ней. Я, конечно, первый.

Под ногами у нас были корни, мы путались лапами то во мху, то в высокой траве, наши нежные перепонки между пальцами больно кололи хвоины и острые сучочки. Мама шла не шибко, но мы еле поспевали за ней, спотыкались, падали, вскакивали, опять спешили догонять её.

Вдруг мама остановилась и шёпотом зашипела:

Даша Прячьтесь! И ни звука!..

Настя Сама тоже спряталась в кусте.

Мы затаились в траве. Послышались грубые голоса и стук железа о железо. По лесу, разговаривая, шли два человека. Мы поняли, что это Гриша с товарищем. Они несли страшные полукруглые железины — когти.

Даша Наверняка в дупле чьё-нибудь гнездо, — говорил один. — Если с яйцами — яичницу себе сделаем. С птенцами — так жариво.

Настя И оба быстрыми шагами прошли за кустом в ту сторону, откуда мы только что пришли.

Даша Ищите! Ищите! — прошипела мама, вскакивая на ноги.

Настя Мы опять побежали за ней и скоро вышли на залитую солнцем поляну с камнем посередине. На камне грелся зелёный зверёк, длинный и узкий. Он взглянул на нас, засеменил короткими, кривыми лапками и шмыгнул под камень, вильнув длинным хвостом. Я хотел перепугаться, но мама сказала:

Даша Это ящерица грелась на солнышке. Она испугалась нас. Безногих гадов — змей — надо остерегаться: среди них есть ядовитые. А эти — на ножках — ничего.

Заяц Потом вдруг выскочил из-под кустика серый зверь. Большой — куда больше мамы, — страшный, с растопыренными усами и предлинными ушами. Мы все сразу остановились и прямо не знали, куда от него деться. А он встал во весь рост, болтает тонкими передними ножками и косится на нас одним глазом.

Мама — По-поспать не дадут! — оглядев нас, сердито пискнул зверь детским голоском и опять улёгся под свой кустик.

Даша Мы пошли дальше, и мама сказала:

— Это просто заяц. Он утят не ест.

— Заячий детёныш? — спросил я. — На нём ни пёрышка, один пух.

Мама объяснила мне:

— Из всех на свете животных только мы, птицы, одеваемся в красивые, лёгкие платья из перьев. Другие ходят всю жизнь в пуху или — как люди — надевают что-нибудь на голое тело. †

Тут перед нами поднялась из травы желтоватая птица чуть побольше мамы, с маленькой головкой, острым носом и красными бровями.

Даша Здравсьте, сестрица тетёрка, — вежливо поздоровалась мама. — Вот каких я утятков вывела: чёрные, круглечькие, пушистенькие. И такие ловкие, так хорошо уже научились ходить!

Митя — Ах, не смешите меня, хозяюшка! — сказала краснобровая. — Поглядите на моих тетеревят. Они

уж и бегают отлично,
не то что ваши ковы-
ляшки!

Как из-под земли,
выросли девять жёл-
теньких краснобровых
цыплят.

Все — Пи-пи-пи! — запи-
щали они и замелькали
тонкими, прямыми нож-
ками.

Вася А мне ужасно не по-
правилось, что тётка
тетёрка назвала нас ко-
выляшками. Я как дам
одному тетереvёнку в
грудь! Он отскочил.
А я наступил сам себе
на ногу и ткнулся но-
сом в землю.

Все жёлтенькие накинулись на нас. Подскакивают и — раз-раз носиками! — всех повалили. Наша мама волнуется, кричет, тетёрка квохчет, — шум, писк! Мама подняла нас всех с земли.

— Как вам не стыдно! — и скорей повела дальше.

Нам и верно было стыдно: девять тетеревят победили нас, тринадцать утят! И кричат нам вслед: „Хи-хи-хи! Ковыляшки! Коротышки! Мокрохвостики!“ — и всякие такие обидные слова.

Но тут деревья стали редеть, редеть, стало светлей — и вот впереди показалось, засияло что-то огромное и такое прекрасное, что у меня дух захватило. Синий-синий-синий мир лежал под обрывом, накрытый таким же синим, высоким-высоким небом! Он был похож на огромное синее яйцо.

Вода, озеро, — сказала мама. — Тут мы и будем жить.

Она раскрыла крылья, замахала ими, полетела и, сделав над озером широкий круг, опустилась под нами на воду, подняв сноп радужных брызг.

Кувыркайтесь сюда! — крикнула она весело.

И вот мы, тринадцать утят, смело бросились с высокого обрыва кувырком, кувырком в синее озеро. Я, конечно, первый. И не успел я опомниться, как с головой окунулся в податливую тёплую, ласковую воду. Вокруг

меня с пискom падали, окунались, выскакивали мои чёрные братишки и сестрёнки.

— Спасайтесь! — отчаянно крикнула вдруг мама и неожиданно куда-то исчезла.

На нас упала тень распластанных крыльев большой птицы с горящими глазами и хищным крючковатым носом.

Но где же было спастись нам, беспомощным утяткам? Мы у всех на глазах открыто сидели на гладкой воде, и деться нам было некуда... +

Глава III

Страшная хищная птица была уже над нами, а мы сидели открыто, у всех на глазах, и не знали, куда спастись.

И знаете, что тут случилось? Мы все вдруг исчезли так же, как наша мама! Подумать только: в первый раз попали на озеро, толком даже не понимали, что такое вода, а спастись от опасности уже отлично умели на ней. Или, лучше сказать,

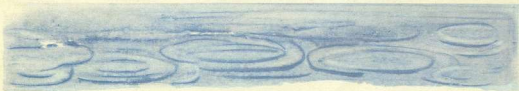
в ней. Мы нырнули. Мы были лёгкие, как пробки, но вода не вытолкнула нас из себя.

Мы заработали своими перепончатыми лапками и поплыли в ней, как рыбки.

Страшная хищная птица потеряла нас из виду и полетела дальше. И когда — через целую минуту — мы все вынырнули, её уже не было видно. Мама быстренько поплыла к густым камышам, а мы все — кучкой за ней.

Пухлые, безлистые камыши с маленькими пупырышками наверху росли густым низкорослым леском.

Дальше в озеро впадала речушка; против неё было множество островочков. Вокруг них поднимались заросли длиннолистого коленчатого тростника и высокого, с большими коричневыми головами рогоза. Поэтому на нашем лесном озере жило множество птичьих семейств: эти зелёные заросли были для них отличным убежищем. На камыше, тростнике и рогозе водились личинки стрекоз, жирные ручейники и другие насекомые — самый вкусный для нас корм. И тут мы не очень-то боялись той большой хищной птицы, которая так напугала нас в первый день на озере.

Мама сказала нам, что этот хищник зовётся болотным лунём. Большой, коричневый, он раза три на день медленно облетал озеро над самыми камышами, высоко поднимая над спиной длинные крылья. Высматривает, не зазевался ли где-нибудь утёнок или даже взрослая птица. Увидит, и р-раз — налетит и схватит в когтищи. Но, если ты не зевака, всегда успеешь спрятаться от него.

Ещё ежедневно посещал наше озеро чёрный коршун с вырезанным треугольником хвостом. Но этот больше интересовался выкинутой волной падалью: дохлыми рыбами, лягушками. А светлая, очень грозная на вид ско-

па — та на нас никогда и не пробовала нападать: она ловила живую рыбу. А все жители зелёных зарослей были нашими друзьями.

Каждый день мы знакомились с каким-нибудь новым семейством и очень весело проводили время. Тут мы узнали, что мы — нырки, называемся — гоголя, а пока не выросли — гоголята. Рядом с нами жили красноголовые нырки и два выводка хохлатых чернетей. Все мы очень скоро научились добывать себе еду — всяких там крошечных рачков, личинок ручейников и подёнок, ныряя за ними на дно. А вот мелководные утки — крупные кряквы и махонькие чирки — не ныряли, а только кувркались головой под воду, хватали мутную водицу и щелокчили, процеживая её сквозь пластинки своего клюва; что останется глотали — и так кормились. Мелководные утки жили в речушке и на островках против неё.

На берегу бегали долгоносые долгоножки-кулички, водились болотные курочки-погоныши. У курочек были очень шустрые круглые, как шарики, детишки. Но болотные курочки не были настоящими курами, как сухопутные куры — тетерева, рябчики, куропатки. С настоящими лесными курами я встретился опять только случайно.

В это время я уже часто отделялся от своих братишек и сестрёнок, всегда плававших с мамой. Подплыл раз к такому месту, где лес совсем подошёл к озеру, и слышу вдруг — кто-то окликает меня:

— Здорово, мокрохвостик!

А это, оказывается, тот самый тетеревёнок-краснобровик, который повалил меня, когда мы ещё только пробирались к озеру. Тетёрка неосторожно подвела свой выводок к самой воде, к обрывчику.

Я не сразу узнал своего обидчика, так он вырос. У него уже отросли маленькие крылышки. Таких цыплят называют поршками: они уже могут вспархивать и садиться на нижние ветки кустов. Удивительно, как он-то меня узнал — ведь все мы, птенцы, растём не по дням, а по часам, — и я уже стал шлепунцом. Так зовут нас, утят, когда у нас начинают оперяться крылья и мы из всех сил шлёпаем ими по воде, пытаясь взлететь, но из этого у нас ещё ничего не выходит.

Не успел я ответить поршку, как он ступил ножками на край обрывчика. Песок под ним посыпался, и тетеревёнок, отчаянно махая крылышками, стремительно поехал вниз и — здрасьте! — очутился рядом со мной в воде. Вот бы где отомстить ему: тетеревёнку пришлось в воде гораздо хуже, чем нам, утятам, тогда на земле.

Но мы, птицы, никогда не мстим. Тетёрка-мама выбежала из леса, отчаянно кудахтала, но спасти своего малыша не могла: ведь и взрослые куры не умеют плавать. А сухой, не смазанный жирком пух поршка уже намок. Ветер дул от берега. Тетерёнок беспомощно распластал крылышки. Его несло к середине озера, где его ждала гибель.

Но я бросился ему на выручку и стал толкать его носом назад, к берегу. Скоро он ткнулся в песок, вскочил на лапки, выбежал на берег и растянулся без сил. Я, конечно, мог бы тут ему крикнуть что-нибудь обидное: „Мокрая курица! Мокрая курица!“ — но он был такой несчастненький, и тетёрка-мама так радовалась его спасению... Я тоже был рад.

Но это было не так уж страшно. А вот через три дня после моей встречи с поршком стряслась над всем нашим озером ужасная, неслыханная беда. Погибло много моих весёлых товарищей и братишек, да и сам я едва спасся.

Глава IV

Люди нередко заглядывали в наш лесной мир. Большею частью это были ребята — мальчики и девочки. Они сбрасывали с себя одежду, забегали в воду, где нет камышей, весело визжали, плескались. Нас они не трогали, и мы считали их всех хорошими. Правда, я слышал от одной старой утки, что есть люди с ружьями — охотники. Они стреляют в нас, если мы вовремя не уйдём от них. Эта же утка рассказывала, что не так давно приходили два парня, обыскивали берега всего озера и разорили много утиных гнёзд. Ведь только мы, гоголя,

устраиваем свои гнёзда в лесу, в дуплах деревьев, а другие утки гнездятся на земле, стараются поближе к воде. Тогда все утки только ещё высидывали птенцов, и парни эти собрали много яиц.

Я подумал, что теперь-то они ничего не могут с нами сделать, раз мы уже вышли из яиц, плаваем и ныряем.

Но вот однажды на дальнем от нас конце озера раздался собачий лай. Я опять плавал один, без мамы, и не понял, почему это встревожились гагары. На нашем большом озере жила всего одна пара гагар, и у неё было всего два гагарёнка, которых они тоже прятали в камышах. Так вот, как только послышался лай собаки, каждая из гагар посадила по гагарёнку себе на спину и нырнула с ним под воду. Наши утки-мамы так не умеют, и мы никогда не забираемся к ним на спину. А гагары погружаются со своими птенцами под воду и летят с ними под водой, куда им надо. Да, да, летят, потому что они машут крыльями под водой так же свободно, как и в воздухе.

Гагары вынырнули со своими гагарятами чуть ли не на середине озера. Тут бы мне и сообразить, что умные птицы боятся оставаться у берега, а я не подумал об этом. Парни между тем — это были они, и с ними в этот

раз была собака, — парни шли кругом озера. Дворняжка плёпала по воде, заплывала в камыши, схватывала там шлепунцов и приносила своим хозяевам. Когда она приблизилась к тому месту, где прятался я, у Гриши — это был опять он! — был уже за спиной полный мешок задавленных дворняжкой утят.

Что мне было делать? Когда собака подбежала, я прибег к испытанному средству спасения: нырнул. Но страшная дворняга что-то причуяла в камышах и начала плавать кругами, кругами. Прошло пять минут, десять минут, а она всё не покидала этого места. Подошёл Гриша с товарищем и начал подбадривать её криком. Не меньше получаса крутилась она на этом месте и наконец вынесла хозяину несчастного птенца болотной курочки: он прятался здесь, совсем близко от меня, на островке ила.

„Не меньше получаса? — спросите вы, дорогие ребята. — Э-э! Да ты, брат гоголёнок, говоришь неправду! Никакая утка не может пробыть под водой так долго. А стоило бы тебе вынырнуть, чтобы набрать воздуха, как дворняга сейчас же схватила бы тебя“.

Ваша правда: никакие нырки

22

не могут продержаться под водой больше одной-двух минут. Этой хитрости научила меня мама. Знаете, что я сделал? Я держал своё тело под водой, а носом ухватился за камышину, выставил свой нос из воды и преспокойно дышал через него. Вот что значит хорошо уметь дышать через нос! Самая чутыистая собака не может учуять один утиный носик над водой.

Я-то спасся, а когда парни ушли, прилетела мама и собрала всех нас вместе, мы недосчитались семерых наших братишек и сестрёнок — больше половины выводка. Сами понимаете, как нам было горько.

Прошло ещё несколько дней, и нас, утят, постигло ещё одно огорчение: нас покинула мама-утка. Просто улетела однажды от нас и больше не вернулась. Мы думали уже, что она погибла, но другие утята успокоили нас. Оказывается, всем уткам-мамам настала пора линять — сменять перо, — и они попрятались в озёрные крепи — где заросли всего гуще — на то время, пока, теряя перья из крыльев, им трудно будет летать.

Да надо сказать, что мы, утята, не очень-то уж и нуждались

в своих мамах. Они научили нас всему, чему могли. Мы разбрелись по озеру и начали самостоятельную жизнь. Мы стали уже большими и скоро, как говорится, поднялись на крыло, то есть научились летать.

К этому времени произошло ещё одно замечательное событие в нашей жизни: вернулись селезни — наши отцы. В начале лета, когда уточки сели высидывать нас, селезни собрались в стаи — гоголя с гоголями, чирята с чирятами — и улетели линять на дальние моря. Перелиняв там, они вернулись к нам, чтобы руководить нами, утиной молодёжью, в первых наших полётах по озёрам.

И вот тут я узнал, что три мира, в которых мы родились и выросли, были совсем маленькие, детские миры: яйцо, потом гнездо, потом лесное озеро, где нас учила мама уму-разуму.

Теперь, когда у нас отросли сильные, крепкие крылья, нам открылся настоящий мир — огромный, неведомый. Для нас, уток, он гораздо больше, чем, например, для лесных кур, живущих круглый год на одном месте, — как, скажем, тетерева. Мы — перелётные птицы. И, как только вода в реках и озёрах начнёт замерзать, мы соберёмся в большие стаи и отправимся в далёкое воздушное путешествие. Увидим много разных стран, побываем в тех далёких краях, где даже и зимой жарко греет солнце и никогда не леденеет вода.

Какое счастье жить и летать в этом огромном мире!

Д л я д о ш к о л а н о г о в о з р а с т а

Баян **Венедикт Валентинович**

ГОГОЛЬСКОЕ

Издание с иллюстрациями В. Давыдова. Ученый редактор А. В. Панин. Технический редактор Т. П. Бардаков. Т. П. Бардаков. Подписано к печати с готовых диапозитивов фабрики № 1 завода № 1. Москва, 20/III 1967 г. Формат 60х92. Печ. л. 235. Тираж 450 000 экз. ГП 1969 № 20. Бум. М. П. Издательство «Детская литература». Москва, М. Печать. Литография фабрика № 1 завода № 1. Сдано в печать 20/III 1967 г. Зав. № 1. Сдано в печать 20/III 1967 г. Зав. № 1.